

[Париж. 27 июля 1922 г. 4]

Cher Maître *

Комитет по выдаче пособий нуждающимся лит[ераторам] и ученым помещается 5, rue du Dôme (16ть). Это нечто вроде прежнего Лит[ературного] фонда. Деньги, им выдаваемые, получают из взносов просвещенных покровителей наук и искусств, от устройства Комитетом вечеров и концертов и т. п. Предполагаются также ежемесячные членские взносы. Но как членских взносов, так и возвратных ссуд в действительности не бывает. По крайней мере не было прецедента. Не принято.

Кажется, Бунин тебе послал недавно сколько-то франков. Мне интересна твоя психология: удивлен ли ты радостно или прицеливаешься на вторичный наезд? Второе всегда возможно. Бунин тебя искренне любит, а его слово — самое высокое в Комитете. Благо тому просителю, на коем почитет его Милость.

Мы живем буквально в 10 шагах от Булонского леса: только перейти маленькую эстакаду. По утрам я туда хожу в туфлях и косоворотке. Вдоль двух смежных озер идет взрыхленная шлаковая дорожка. Сажусь на скамеечку и гляжу на всадников и всадниц. Завидую и критикую. Лучше других ездят англичане и англичанки. Но, Творец! В какой части Альбиона фабрикуются эти ужасные женщины, худые, с огромными плоскими ступнями, с деревянными узкими спинами, с волосами цвета моркови, пеньки, [нрзб.], с рыбьими глазами и рыжими ресницами, с лошадиными зубами?

По утрам кора или листва каштанов пахнет липовым медом. Но вечером, истощив весь запас кислорода, впотьмах каштаны начинают пахнуть лисьей мочой; так часа два подряд.

Я ужасно стремлюсь к вам в Baden. Будут и деньги. Но жена почему-[то] уперлась: «Тогда поеду и я. Вы с Нилусом закутите». Разуверь ты ее, Христа ради! Конечно, на радостях бутылку вина выдудим. Это так. Но ведь я еду лечиться. Вот и теперь принимаю дважды в день иод.

Скажи мне отчество тов. Берты⁵. Я ей написал несколько слов. Мне бы очень хотелось получить от нее ответ. Пока поцелуй ее ручку. Привет тебе.

Твой сердечно
А. Куприн.

[Париж, 7 октября 1922 г.]

Милый Петр Александрович,

На последнее твое письмо я, правда, запоздал с ответом. Но никогда не пропускал очереди. Либо твоя кочевая жизнь, либо неисправность почты виной тому, что иные письма от тебя не доходят.

Ив[ану] Ал[ексееви]чу я послал твои рукописи⁶. Прочитал их. Один рассказ (заглавие — имя собственное), где киносьемки, просто очарователен. Изю всех твоих рассказов — а я их почему-то в последнее время полюбил — он выпирает.

Но что это у Вас, молодежи, за мода, или болезнь, или обычай никогда не закончить рассказа, а оборвать его этаким «demi — ton» **. Страшат вас сюжеты? Грозит пальцем тень Чехова? Нахожу эту манеру искусственной и невежливой. Но вообще пишешь ты мужественно и нежно. И ни на кого, кроме косолапого, скуластого, зоркого и милого Нилуса, не похож.

Львовку не пил. Не хочу врать. Обезьяновку — да. Но длинно рассказывать, это было в 1918 г., когда сторожа кунсткамеры продавали спирт из-под уродов... Брр...

Обнимаю тебя. Берте Соломоновне низкий поклон.

7/X Paris

Твой сердечно
А. Куприн.

[Париж. Май-июнь. 1923 г.]

Во-первых, дорогой Петр Александрович, не я брешу, брешет Горницкий. В ту пору мне было 26 лет, а ему 38. Он был не сильнее, а только выше меня, толще, жирнее и потяжелее. Если и сильнее даже (допустим), то в борьбе все его преимущества значительно понижались из-за дефекта его правой руки и из-за природной мешковатости. Положил же я его так:

Он хотел взять меня на прием «tour de hanche en tête» *** и уже, захватил было голову, но прием соскользнул, я подтолкнул Горниц[кого], он упал на копчик в партер, а я быстро перевернул его (нрзб) и дождал на секунду. Но так как он, во-первых, был врач, а я только рейтор, во-вторых, он был основателем кружка, а я недавним членом, в-третьих, он лечил всех наших атлетов [...], а я не мог угостить их и кружкой пива, то мой дожим был рабски засчитан как пережат. Ну, да ладно. Приеду в Загреб или в Дуб-

* Дорогой маэстро.

** полутон.

*** поворот с бедра на голову.